

Анна Ахматова

Листки из дневника
Проза. Письма

Успеть записать одну сотую того, что
думается, было бы счастьем!

а.

Дневник моего сердца
Diarium Cordis

Анна Андреевна Ахматова

Листки из дневника.

Проза. Письма

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=22530578

Листки из дневника. Проза. Письма: АСТ; Москва; 2017

ISBN 978-5-17-099924-8

Аннотация

Анна Ахматова прожила семьдесят семь лет. С её уходом закончилась эпоха «Серебряного века». Удивительным образом поэтессе удавалось даже во времена официального (и нарочного) забвения оставаться абсолютной европейкой. «Сказочным козерогом» окрестил её один из конфидентов, ибо ахматовский жизненный круг был очерчен пунктиром дружб и встреч с Мандельштамом и Модильяни, Исайей Берлином и Иосифом Бродским, et cetera...

Воспоминания Анны Андреевны, дневниковые заметки, избранные статьи, фрагменты переписки, то, что не всегда для публичности, то, что поэт держит при себе, – наполнение и суть этой книги.

Содержание

Предисловие	5
Анна Ахматова	34
Проза	41
Слово о Пушкине	41
Пушкин и дети	44
«Каменный гость» Пушкина	46
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Анна Ахматова
Листки из дневника.
Проза. Письма

© ООО «Издательство АСТ», 2017

© А. Ахматова, наследники, 2017

© М. М. Кралин, предисловие, примечания, 2017

* * *

Предисловие Времена Ахматовой¹

*И это станет для людей
Как времена Веспасиана,
А было это – только рана
И муки облачко над ней.*

Анна Ахматова

Времена, в которые укладывается земное бытие Анны Ахматовой (1889–1966), и те времена, в которые простираются координаты ее поэзии, разительно несоизмеримы. Первые составляют немногим более семи с половиной десятилетий, а последние уходят корнями в толщу необозримого прошлого – от воспетых ею библейских героинь – Рахили, жены Лота, Мелхолы – до времен великого князя Московского Дмитрия Донского, боярыни Морозовой и легендарных китежан, среди которых она чувствовала себя своей и в чьем светлом граде мечтала обрести последний покой. А вершинами, до наших пор буйно растущими, ахматовские времена уходят в

¹ Впервые – в кн.: Анна Ахматова. «В то время я гостила на земле...»: Стихотворения. Поэмы. / Составление, статья и примечания М. М. Кралина. СПб.: Лениздат. 1995. С. 599–606. Более полный вариант в кн.: Анна Ахматова. Соч.: В 2 т. Т. 1. М.: Цитадель. 1996. С. 3–16. Печатается с исправлениями.

будущее, мимо и помимо нас – ее младших современников, иным из которых довелось еще застать ее гостебу на земле и проводить в последнюю дорогу.

Ахматовское время умирает.

Ахматовская совесть – не по нам.

И только стих горит, не догорает,

Даруя слезы новым племенам².

Эти «новые племена» сегодня могут, если захотят, узнать об Анне Ахматовой и ее временах намного больше, нежели ее современники, граждане «этой страны», ныне более не существующей, впервые услышавшие само имя Ахматовой из пресловутого доклада «товарища Жданова», про которого еще напишут в будущих учебниках истории: «партийный деятель эпохи Анны Ахматовой». Но в то время (40-е и 50-е годы XX века), когда Ахматова с мукой душевной говорила друзьям как о главном несчастье ее жизни о том, что ее «не знают», миллионы советских школьников не просто знали, а обязаны были знать стихи Ахматовой, процитированные в докладе «товарища Ж», потому что этот доклад входил в экзаменационные билеты для всех выпускников советских школ. Так и мое знакомство с Ахматовой началось с этих трех строк, безглаголиво отстраняющих все то, что было в докладе перед ними и после них:

² Михаил Кралин. Возраст нежности. СПб., 1993. С. 83.

Но клянусь тебе ангельским садом,
Чудотворной иконой клянусь
И ночей наших пламенных чадом...³

Я и сейчас ощущаю тот «солнечный удар» от этих волшебных строк, так непохожих на все звучащее вокруг, полученный мной в 1962 году, когда мне было 14 лет. Как я счастлив, что моя встреча с ахматовской поэзией началась именно с этих строк! А вскоре наша классная руководительница, учитель математики Надежда Михайловна Сочнева, узнав о моей безнадежной страсти, подарила мне маленький томик в зеленой обложке, (потом я узнал, что сама Ахматова называла его «лягушкой»), изданный в 1961 году. Это было пятьдесят пять лет назад. А в двадцать с небольшим, работая в архиве Ахматовой, я находил немало писем от советских школьников, разглядевших жемчуга ее поэзии в том же мутном источнике, что и я.

Времена Анны Ахматовой явственно распределяются на три эпохи. В символике ее поэтической биографии были числа, имеющие сакральное, судьбоносное значение: тройка, пятерка, семерка. Обратим особое внимание на число «три». Оно действительно присутствует как в стихах, так и в судьбе («Три раза пытаться приходила...», «Три осени»; «Поэма без

³ Жданов А. А. Доклад о журналах «Звезда» и «Ленинград» // Правда. 1946. 21 сент.

героя», спутница ее жизни, состоит из трех частей, незаконченная трагедия «Энума элиш» – из трех действий). А одна из самых глубоких по смыслу элегий начинается строкой «Есть три эпохи у воспоминаний». И действительно, если обратить внимание на хронологию судьбы поэта, получается трехчастная композиция, состоящая из блистательного пролога (1912–1922), глубоко трагической центральной части (собственно Судьбы) – (1923–1955) и не менее блистательного эпилога, «победы над судьбой», по слову самой Ахматовой. Эпилог охватывает последнее десятилетие ее жизни (1956–1966).

Центральная часть, в свою очередь, делится на три акта. Первый и третий так же зеркальны и симметричны по отношению друг к другу, как пролог и эпилог. Наконец, взятые вместе, вехи судьбы поэта составляют пять действий («Cinq»), пять времен года и вызывают в памяти ее стихотворение, в котором дается как бы ключ к разгадке всей судьбы:

То пятое время года,
Только его славословь.
Дыши последней свободой,
Оттого что это – любовь.

Любовь как «творческий метод проникновения в человека» (по определению Н. В. Недоброво) всегда была для Ахматовой мерою всех вещей и, следовательно, «последней

свободой».

Рассмотрим времена Ахматовой в их зеркальных соотношениях. В 60-е годы, работая над книгой автобиографической прозы «Мои полвека», Ахматова так оценила время своих «начал» в очерке «1910-е годы»: «Кто-то недавно сказал при мне: «10-е годы – самое бесцветное время». Так, вероятно, надо теперь говорить, но я все же ответила: «Кроме всего прочего, это время Стравинского и Блока, Анны Павловой и Скрябина, Ростовцева и Шаляпина, Мейерхольда и Дягилева». Она не назвала в этом перечне имен своего, но с полным основанием можно добавить: «и время Анны Ахматовой». За эти первые десять лет ею было выпущено пять поэтических книг, читательский успех которых позволил даже марксистскому критику Н. Осинскому на страницах «Правды» назвать в 1922 году Анну Ахматову «лучшим русским поэтом после смерти Александра Блока»⁴. В течение всего этого десятилетия Ахматова окружена несметной толпой почитателей и поклонников: ей посвящают стихи Блок и Мандельштам, Сологуб и Кузмин, ее портреты пишут Модильяни и Альтман, Петров-Водкин и Анненков. Музыку к ее стихам сочиняют Сергей Прокофьев и Артур Лурье. Она совершает две поездки за границу, и впечатление от итальянской живописи остается в ее творческой памяти на всю жизнь. Она становится козырной дамой акмеизма – специфически русской поэтической школы, вернувшейся на стезю пушкин-

⁴ Осинский Н. Побег травы. (Заметки читателя) // Правда. 1922. 4 июля.

ской ясности, точности и сообразности смысла и слога в стихах.

Последнее десятилетие ахматовской поэтической биографии так же зеркально по отношению к первому, как осень зеркальна по отношению к весне. Ее «плодоносная осень» пришлась на то время, которое принято называть «хрущевской оттепелью». Это время Эренбурга и Солженицына, Шостаковича и Юдиной, Пастернака и Ахматовой. Она снова становится культовой фигурой, знаковым символом эпохи. За эти десять лет, обремененных тяжелыми болезнями, размолвками и разлукой с единственным сыном (что было, несомненно, ее главной бедой и горем), Анна Андреевна приобретает не громкие звания и награды, а прочную и все растущую любовь читателей. Об этом говорят тысячи благодарных читательских писем в архиве поэта. Она возвращается из «догутенберговской» эпохи: одна за другой выходят книги ее стихов и переводов; за рубежом печатаются на разных языках «Поэма без героя» и «Реквием», гуляющие по России во множестве списков. Анна Ахматова снова, как и в годы молодости, окружена толпами почитателей и поклонниц, и «волшебный круг» их все ширится, включая и многочисленных иностранных посетителей. (Фрост, Стейнбек, Белль, Мигель Отеро де Сильва). Имя Ахматовой появляется в списке кандидатов на Нобелевскую премию, однако вместо «Нобелевки» она получает менее престижную, но почетную премию «Этна-Таормина». Как бы повторяя путе-

шествия молодости, она вновь проезжает на поезде сквозь всю Италию, останавливается на несколько дней в Париже и, наконец, получает в Оксфорде мантию почетного доктора литературы. Эти поездки были для нее окрашены радостью международной славы и горечью встреч с героями ее судьбы и – поэзии. (Борис Анреп, граф В. П. Zubov, Саломея Андроникова, сэр Исайя Берлин). Об этих днях и об этих встречах лучше не сказать, чем написала она сама в стихах, обращенных к Борису Пастернаку:

Могучая евангельская старость
И тот горчайший гефсиманский вздох.

Ахматова, как и всякий православный человек, думала о смерти все время, но, похоже, эта мысль только подстегивала ее творческую энергию. Ее рабочие тетради, ставшие достоянием читателей сравнительно недавно⁵ показывают, как росли ее замыслы, как мужала и набирала силу ее проза, составившая бы единственную в своем роде книгу, проживи Ахматова еще несколько лет. Но все было отмерено свыше: 5 марта 1966 года сбылось ее старинное предсказание, сделанное на пороге весны 1911-го:

Он мне сказал: «Не жаль, что ваше тело
Растает в марте, хрупкая Снегурка!»

⁵ Записные книжки Анны Ахматовой (1958–1966). Москва-Torino. 1996. Giulio Einaudi editore. 849 с.

В 1922 году Анна Ахматова окончательно утвердилась в своем решении навсегда остаться в Советской России. Знала ли она о том, что ожидает ее? Если судить по стихотворению «Кое-как удалось разлучиться», посвященному уезжавшему за границу Артуру Лурье, то догадывалась:

Как подарок, приму я разлуку
И забвение, как благодать.
Но скажи мне, на крестную муку
Ты другую посмеешь послать?

Артур Лурье, бывший комиссар Музыкального отдела Наркомпроса, воспользовался служебной командировкой в Берлин, чтобы «оставить Россию навсегда». Анна Ахматова была в курсе замыслов своего друга и имела хорошую возможность уехать, но не воспользовалась ею. И даже 14 писем Артура со слезными мольбами о приезде к нему, не подействовали. Что ж, она упустила свой шанс? Да, она сознательно пошла на «крестную муку» и свершила свою Судьбу сама. Как я писал выше, драма ее Судьбы состоит из трех актов, причем первый и третий зеркально отражают друг друга, хотя «странные сближения», возникающие при этом, кажутся иногда почти фантасмагорическими. Первый акт вмещает 1923–1939 годы, третий – 1946–1955 годы. Главное, что позволяет сравнивать между собой эти жизненные этапы, – пресловутое ахматовское «молчание». Было ли оно доброволь-

ным, «протестным» или принудительным? Интрига в первом и в третьем актах развивалась на удивление сходным образом. Во время поездки в Москву в апреле 1924 года Ахматова прочитала на вечере журнала «Русский современник» свою «Новогоднюю балладу», где «хозяином» назван вовсе не Генеральный секретарь, а расстрелянный поэт Николай Гумилев.

Выступление Ахматовой вызвало недовольство «наверху» и послужило одной из основных причин закрытой Резолюции ЦК 1925 года, решением которой Ахматова, по ее словам, «была изъята из обращения до 1939 г.». Сходная ситуация повторилась в апреле 1945 года, когда Ахматова, опять же в Москве, выступая с группой ленинградских писателей, вызвала столь бурные овации у слушателей, что якобы удивило Сталина, задавшего вопрос: «Кто организовал вставание?» Эти московские публичные выступления поэта стали одной из причин того, что ее имя оказалось в числе двух главных «фигурантов», осужденных в Постановлении ЦК от 14 августа 1946 года, после обнародования которого две готовые книги стихов были уничтожены, а третья, «Нечет», намертво застряла в издательских недрах. Повлияли ли эти партийные решения на творческую продуктивность Ахматовой? Еще бы! Она хотела печататься и в первом и в третьем актах, но где же было ей справиться со всей мощью государственной бюрократической машины, поставившей на ее пути непреодолимые препоны? И все-таки не стоит проводить

чересчур прямые параллели между творчеством поэта и руководящей партийной линией. У Ахматовой в первом акте были и другие, чисто творческие, причины для временной передышки в писании стихов. А в третьем акте ее молчание, несомненно, носило и протестный, демонстративный характер. Но, при разности причин, следствие было одно – молчание.

Мне молчание стало домом
И столицей немота.

Кроме того, Ахматова, видимо, не сразу поняла, что после статьи К. Чуковского о «двух Россиях» – Ахматовой и Маяковского, она отныне для властей, светских и литературных, стала символом уходящей, «оцерковленной» Руси, с которой можно и должно расправиться без всякой жалости и снисхождения. Эту истину после Корнея Чуковского наперебой старались внушить и самому поэту, и его читателям лефовские, рапповские и прочие критики, упражнявшиеся в выработке классового чутья на обличении ахматовской Музы. Однако пока, по выражению Ахматовой, «ругань шла, как вода по водопроводу», было еще не страшно. Страшно стало тогда, когда «вода» превратилась в кровь.

Водою пахнет резеда
И яблоком – любовь.
Но мы узнали навсегда,

Что кровью пахнет только кровь.

Это столь высоко ценимое друзьями поэта стихотворение было написано еще в преддверии «большого террора». Что такое чужая «кровь», Ахматова знала не понаслышке, ее вид преследовал поэта еще в 1921 году:

Лучше бы на площади зеленой
На помост некрашенный прилечь
И под клики радости и стоны
Красной кровью до конца истечь.

Или в другом стихотворении 20-х годов, дошедшем до нас не в полном виде:

О Боже, за себя я все могу простить,
Но лучше б ястребом ягненка мне когтить
Или змеей уснувших жалить в поле,
Чем человеком быть и видеть поневоле,
Что люди делают, и сквозь тлетворный срам
Не сметь поднять глаза к высоким небесам.

Может быть, чувство уже раз пережитого ужаса помогло Ахматовой с небывалой для нежной женщины твердостью встретить новые суровые испытания. Если в расстреле Гумилева она могла еще подозревать только козни коварного петроградского диктатора Зиновьева, то в «Эпиграмме», написанной несколько лет спустя, выносится приговор всему

правлящему режиму:

Здесь девушки прекраснейшие спорят
За честь достаться в жены палачам.
Здесь праведных пытаются по ночам
И голодом неукротимых морят.

Если верить данным, опубликованным отставным генералом КГБ О. Калугиным, изучавшим в бытность свою заместителем начальника Ленинградского управления КГБ «наблюдательное дело» Ахматовой, первые документы, отложившиеся в нем, относятся к 1927 году. Ахматову заподозрили в связях с правотроцкистскими элементами. У следственных органов не имелось, по-видимому, достаточно данных, чтобы тогда привлечь подозреваемую к ответственности. Но биографа ее П. Н. Лукницкого заставляют играть двойную роль: он ведет документальную летопись «трудов и дней» поэта и одновременно вынужден составлять отчеты о ее поведении для соответствующих органов. Только покинув Ахматову, Лукницкий с большим трудом избавился от этой «нагрузки». Первый звонок прозвенел после убийства С. М. Кирова. В октябре 1935 года одновременно были арестованы Н. Н. Пунин и Лев Гумилев. Ленинградские чекисты требуют у Ягоды ордера на арест Анны Ахматовой. Теперь мы знаем, что подоплекой этих репрессий были показания О. Мандельштама, сделанные им после ареста. Маховик террора раскручивался с возрастающей силой. Вскоре

были взяты и уничтожены Николай Клюев, Владимир Нарбут, Сергей Клычков, Борис Пильняк, Бенедикт Лившиц. Все они были в той или иной степени дорогими и близкими Ахматовой людьми, соратниками ее по «свободному русскому слову», за которое они и приняли крестные муки. В этих условиях ожидающая ареста со дня на день Анна Ахматова совершает безумный – с точки зрения «здравой» логики – поступок: едет навестить «опального поэта» Мандельштама в Воронеж. Конечно, эта поездка не могла не стать известной ее незримым опекунам. И может быть, в качестве мести за этот шаг вторично, и на этот раз надолго, 10 марта 1938 года забирают ее сына. Начинается бесконечное стояние матери в тюремных очередях – зачинается «Реквием». Первый акт Судьбы разворачивался в постепенном нарастании гражданского негодования поэта – и закончился настоящим извержением поэтического вулкана в 1940 году, когда из кратера души поэта вырвались такие обжигающие стихи, как «Клеопатра», «Уложила сыночка кудрявого...», «Один идет прямым путем...», «Стансы».

Отвага Ахматовой подчинила Судьбу: в 1940 году, после пятнадцатилетнего запрета, как будто из небытия возникает чудо – сборник «Из шести книг». Но чудес, как известно, не бывает: и эта книга была обязана своим появлением на свет внезапному расположению товарища Сталина. В письме-отзыве о «Поэме без героя», рожденной в том же 1940 году, Павел Лукницкий по праву свидетеля и согляда-

тая сумел объяснить особенность, даже уникальность гражданского поведения Ахматовой на протяжении первого акта ее Судьбы: «Даже к Сфинксу наших времен, погрузившему когтистые лапы в опаленные его пристальным и загадочным взором пески бездыханных пустынь, – даже к этому Сфинксу, таинственно-жестокому, но запечатленному историей на тысячелетия, Вы сумели отнестись без предвзятости, сумели бесстрашно взглянуть ему прямо в глаза, с непоколебимой гордостью. И Сфинкс потупил глаза. Это легко делать многим теперь, когда каменные его глаза закрыты навсегда, и все знают, что веки его никогда не поднимутся. А тогда...»⁶

И как страшно все повторяется в зеркале третьего акта Судьбы Ахматовой. Раны, нанесенные солдафонски бесцеремонным докладом Жданова, не сразу, но постепенно начали затягиваться. Друзья, истинную цену которых она узнала в этом испытании, не давали пропасть. Ольга Берггольц и ее муж Георгий Макогоненко, Рыбаковы, Гитовичи, Томашевские – все они, как могли, помогали Анне Андреевне и деньгами, и продуктами, и душевной поддержкой. И не самым страшным было то, что в квартире отключали газ и свет, что ее лишали на какое-то время продовольственных карточек. Этим ее было не сломить – она знавала и худшие годы и «голоды». Самым страшным был очередной арест сына 6 ноября 1949 года – на этот раз – за нее. Молчание вместо публично-

⁶ РНБ. Ф. 1073. Оп. 1. Ед. хр. 218. Лукницкий П. Н. Письмо А. А. Ахматовой от 27 янв. 1962 г.

го покаяния, которого от нее ждали, обернулось сталинской местью, ударившей по самому больному. «Отними и ребенка, и друга», – писала она когда-то. Тот, кто взял на себя функции Отца Небесного, отнял, вернул, а теперь снова отнял. И этого, второго тура, она не смогла перенести. Готовая поступиться своей литературной и человеческой репутацией, Ахматова пишет и печатает стихи, в которых делает отчаянную попытку пополнить когорту стихотворцев, воспевающих покорение гор и пустынь, борьбу за мир, а главное, разумеется, «доблесть того, / Кто нам и родней, и дороже всего, / Кто – наше победное знамя!», бьется за издание целого сборника под названием «Слава миру!». Насилие над собой не дало того результата, которого она добивалась: сын не был освобожден из лагеря – это произошло только в 1956 году. Но три года, которые тянулась волокита с изданием этого просоветского сборника, не прошли даром – сердце поэта не выдержало изощренной пытки – Ахматова слегла с тяжелым инфарктом в 1951 году. (А годом раньше, в 1950-м, глава НКВД Абакумов опять требовал ордер на арест Ахматовой, но ордер не был подписан и на этот раз. Может быть, все-таки стихами, славящими Вождя, Ахматова заплатила за свою свободу?)

Итак, в третьем акте мы видим новую тактику, тактику компромисса, которую пыталась применить Ахматова в борьбе за выживание, свое и своих близких. Компромисс себя не оправдал, но все-таки она избежала тюрьмы и лагеря,

где вряд ли бы долго протянула с ее слабым здоровьем. Об этом, третьем акте трагедии ее Судьбы Ахматова вспоминала крайне редко и скупо. Но мы не можем пропустить эти годы удушья, перечеркнуть эти подъяремные стихи, потому что это тоже – времена Ахматовой. Черные времена.

Удивляйтесь, что была печальной
Между молотом и наковальней,
Чем когда-то в юности была...

(После 1948)

Как это может показаться ни парадоксальным, но самым «плодоносным», а значит, и счастливым в Судьбе поэта был второй акт, который пришелся целиком на годы войны (1939–1945). Этому содействовали и внешние обстоятельства: в 1939 году Сталин на очередном приеме советских писателей задал Фадееву сильно обескураживший того вопрос: как поживает Анна Ахматова?

Окрыленные вниманием вождя, верноподданные писатели «вспомнили» об Ахматовой, зашевелились, в срочном порядке пошла подготовка сразу двух сборников поэта. Правда, один из них, который готовился в Гослитиздате, был доведен только до стадии корректуры и запрещен к выходу. Судьба другого, выпущенного ленинградским отделением издательства «Советский писатель», оказалась счастливее. «Весьма просеянный», по словам Ахматовой, сборник «Из шести книг» не только сделался литературной сенсаци-

ей года, но и был выставлен Шолоховым на Сталинскую премию. Однако уже через две недели «Из шести книг» была запрещена и, по словам Ахматовой, «выброшена из книжных лавок и библиотек». Причину сталинского гнева Ахматова объясняла тем, что он, прочитав стихотворение «Клевета», принял его на свой счет, «не обратив внимание на дату». Думается, Анна Андреевна в данном случае немного лукавила. В сборнике «Из шести книг» даты под стихами не проставлены вообще, но зато композиция сборника построена задом наперед: время в нем течет как бы в обратном направлении. Тот же прием применен в написанной в том же 1940 году маленькой поэме «Путем всея земли». С почти кинематографической быстротой пролетают в этой «самой авангардной» поэме Ахматовой века и события: ночь штурма Выборга, разорванная на лоскутья старая Европа, Цусима, англо-бурская война и, наконец, древний, легендарный Китеж-град, где Китежанка – героиня поэмы – обретает последний покой.

Еще более раскованной, творчески свободной ощущает себя Ахматова, попав после долгих эвакуационных странствий по дорогам России в далекий Ташкент. Именно там, в этом «Константинополе для бедных», как она его окрестила, Ахматова испытала небывалый поэтический взлет. Несмотря на перенесенные в Ташкенте тяжелые болезни, несмотря на разлуку с любимыми, оставленными в осажденном Ленинграде, здесь она ощутила прилив новой творческой энер-

гии. «Не было бы счастья, да несчастье помогло» – в эвакуации прежнюю «затворницу» окружают как старые друзья (Н. Я. Мандельштам, Е. С. Булгакова, Ф. Г. Раневская, Л. К. Чуковская, А. Н. Тихонов), так и новые (А. Ф. Козловский и его жена Г. Л. Герус, совсем еще юные Валентин Берестов, Эдуард Бабаев, Ася Сухомлинова. И не случайно именно здесь возникли стихи, бесконечно расширяющие поэтическое время Ахматовой:

Я не была здесь лет семьсот,
Но ничего не изменилось...
Все так же льется Божья милость
С непререкаемых высот,

Все те же хоры звезд и вод,
Все так же своды неба черны,
И так же ветер носит зерна,
И ту же песню мать поет.

Он прочен, мой азийский дом,
И беспокоиться не надо...
Еще приду. Цвети, ограда,
Будь полон, чистый водоем.

В Ташкенте были написаны, по существу, все главные произведения Ахматовой: первая редакция «Поэмы без героя», которую ее тогдашние слушатели (да и не только они) и по сей день считают более первозданной, чем окончательная,

трагедия «Энума Элиш», поэтические циклы «Ветер войны», «Луна в зените», «Новоселье», лучшие из «Северных элегий»... 8 марта 1942 года в газете «Правда» было напечатано «Мужество», пожалуй, самое знаменитое стихотворение Ахматовой. Это не только вершина гражданской лирики поэта, это еще и ответ на стихотворение Осипа Мандельштама, обращавшегося с просьбой к его сестре «по Музе, по судьбам»:

Сохрани мою речь за привкус несчастья
и дыма...
За смолу кругового терпенья, за совестный
деготь труда...

«Мужество» – стихотворение на все времена. Оно и сегодня, на исходе двадцатого века, звучит ничуть не менее современно, чем в 1942 году:

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах,
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова, –
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем
И внукам дадим, и от плена спасем

Навеки!

У читателей может возникнуть вопрос: почему в периоды относительного житейского спокойствия, например, во второй половине 20-х годов в Ленинграде, Ахматова писала сравнительно мало стихов, а вот в ташкентской нищете, внимая отзвукам войны, она писала столь щедро и безоглядно? Ответ на этот вопрос мы можем найти у того же О. Мандельштама, в его словах, которые сохранила для потомков Э. Г. Герштейн. Вот как определил Мандельштам уникальность поэтического склада Ахматовой: «Она – плотоядная чайка: где исторические события, там слышится голос Ахматовой, и события – только гребень, верх волны: война, революция. Ровная и глубокая полоса жизни у нее стихов не дает, это сказывается, как боязнь самоповторения, как лишнее истощение в течение паузы»⁷.

* * *

Время Ахматовой не закончилось с ее последним земным вздохом. Вот уже 50 лет ее поэзия существует сама по себе, без творца, и это победное шествие не закончено. Исполнилось пророчество Мандельштама: поэзия Анны Ахматовой стала «одним из символов величия России».

В своем героическом поединке с тоталитарным режимом

⁷ Э. Герштейн. Мандельштам в Воронеже. // Подъем. 1988. № 10. С. 106.

Анна Ахматова знала не только победы — она испила до дна и «горчайшую чашу» позора, знала минуты слабостей человеческих. Скрывать это от читателей — значит приукрашивать биографию, не говорить всей правды. А правда, между тем, нисколько не умаляет поэтического подвига, совершенного Анной Ахматовой. Она лишь по-человечески приближает к нам поэта, но не может умалить главное —

Холодное, чистое, легкое пламя
Победы моей над судьбой.

* * *

Мне вспоминается ночь с 23 на 24 июня 1989 года. Поздно вечером я с моими друзьями приехал на электричке в Комарово и пешком пришел к могиле Ахматовой. Она вся была заткана ковром пламенеющих тюльпанов, тускло освещаемых десятками свечей. Я поставил в изножии креста свечу в лампадке, привезенной из слепневского дома. Черный томик стихов лежал, раскрытый тут же, на могиле. На первой странице черными чернилами было написано:

За меня не будете в ответе,
Можете пока спокойно спать.
Сила — право, только ваши дети
За меня вас будут проклинять.

Мы разожгли костерок невдали от кладбища, соблюдая обычай древней Ивановой ночи. Через огонь мы не прыгали, но он исправно обогревал нас всю эту летучую белую ночь. На рассвете мы пошли к Щучьему озеру, чтобы искупаться на зорьке. Веяло прохладцей, туман плыл низко над озерными водами. По береговой тропе к нам вышел старик в поношенных кедах, с рюкзаком за плечами, с охотничьим ножом за поясом. «Откуда вы, дедушка?» – спросили мы его. «Издалека, – ответил он, – из Сибири. Да нас тут много – поглядите, вон костерки жгут, греются». Мы поглядели – по берегам озера тут и там дымили невысокие костры. «А зачем вы приехали сюда?» – спросил я. «Как это зачем, – удивился старик, – надо нашу Аннушку помянуть. Ведь она всю жизнь за правду стояла, как же не приехать, не помянуть...» Я понял, что это съехались, сошлись со всех концов Руси для поминания Анны Ахматовой в ее столетнюю годовщину, ревнители старой веры. И вспомнились ее стихи, написанные в 1937 году:

Я знаю, с места не сдвинуться
Под тяжестью Виевых век.
О, если бы вдруг откинуться
В какой-то семнадцатый век.
С душистою веткой березовой
Под Троицу в церкви стоять,
С боярынею Морозовой

Сладимый медок попивать,
А после на дровнях в сумерки
В навозном снегу тонуть...
Какой сумасшедший Суриков
Мой последний напишет путь?

Тогда я понял, что времена Анны Ахматовой имеют и еще одно измерение – они тайно живут в неистребимой душе народа, с которым она породнилась навеки великим русским словом.

Сборник, который предлагается вниманию читателей, объединяет произведения разных жанров: «Поэму без героя» (в двух редакциях), Прозу о Поэме, мемуарные очерки, исследовательские работы о Пушкине, письма. Возникает вопрос: а что объединяет, роднит все эти столь разножанровые произведения?

Что позволяет безоговорочно решить: да, все это создано рукой и сердцем одного человека, владеющего единым творческим методом. В основе всего, о чем бы ни писала Анна Ахматова, лежит

Души высокая свобода,
Что дружбою наречена.

В основе творческого метода поэта два главных источника, из которых она черпает свое вдохновение: любовь и

дружба. Любовь для нее – «творческий метод проникновения в человека», «последняя свобода»:

Дыши последней свободой,
Оттого, что это любовь

Однако интересно, что эти традиционные для любого поэта понятия – любовь и дружба – объединяются у Анны Ахматовой третьим и, быть может, важнейшим: свобода.

И в этом смысле Анна Ахматова, конечно, наиболее достойная наследница и продолжательница гуманистических традиций Пушкина. Все ее творчество можно объединить под эпитафией пушкинского «Послания в Сибирь»:

Во глубине сибирских руд
Храните гордое терпенье,
Не пропадет ваш скорбный труд
И дум высокое стремление.

Несчастью верная сестра,
Надежда в мрачном подземелье
Разбудит бодрость и веселье,
Придет желанная пора:

Любовь и дружество до вас
Дойдут сквозь мрачные затворы,
Как в ваши каторжные норы
Доходит мой свободный глас.

Оковы тяжкие падут,
Темницы рухнут – и свобода
Вас примет радостно у входа,
И братья меч вам отдадут.

«Любовь и дружество» – вот две важнейших составляющих творческого метода поэта.

Недаром в «Посвящении» к «Реквиему» Ахматова не только в кавычках упоминает «каторжные норы», но, как Пушкин к своим сосланным на каторгу товарищам, она обращается к своим сосланным на каторгу подругам. «Посвящение» к «Реквиему» – это ее, Анны Ахматовой, «Послание в Сибирь»:

Где теперь невольные подруги
Двух моих осатанелых лет?
Что им чудится в сибирской выюге,
Что мерещится им в лунном круге?
Имя шлю прощальный мой привет.

Важнейшее свойство Ахматовой – это конкретная адресатность всех ее текстов.

Читайте все – мне все равно,
Я говорю с одним,
Кто был ни в чем не виноват,
А впрочем, мне ни сват, ни брат.

Каждое ее произведение, будь то стихотворение или поэма, мемуарный набросок или дневниковая запись, заметка из записной книжки или письмо, – обращено к кому-то, к одному человеку или сразу к нескольким, но непременно обращено и обязательно – к человеку. Быть может, именно в этом и кроется разгадка того, почему так интересно спорить на тему того, кому посвящено то или иное стихотворение Ахматовой. Но вопрос этот касается далеко не только и не столько личных привязанностей или симпатий Анны Ахматовой, он намного шире. Произведения ее – часто воображаемые беседы, («Дружбы светлые беседы», как сказала она сама в одном из стихотворений).

«Поэму без героя» Анна Ахматова посвятила «памяти ее первых слушателей, погибших в Ленинграде во время осады», а в Ташкенте ей казалось, что она пишет ее вместе с читателями. «Реквием» написан в ответ на просьбу «женщины с голубыми губами», стоявшей в одной тюремной очереди с Анной Андреевной. Имя ее не названо (да, быть, может, Ахматова и не спросила имени). Важно ведь не столько имя, сколько первотолчок «от сердца к сердцу».

А я говорю, вероятно, за многих:
Юродивых, скорбных, немых и убогих,
И силу свою мне они отдают,
И помощи скорой и действенной ждут.

Анну Ахматову до последних дней не баловала вниманием критика, книги ее выходили редко и малыми тиражами, отсюда ее постоянные сетования о том, что ее «не знают». Но ее связи с читателями были прочными и постоянными. В архиве поэта хранятся многие сотни писем ее читателей, на многих из них пометка «отвечено». Когда-нибудь лучшие читательские письма будут опубликованы, как и ответные письма самой Ахматовой, и тогда станет ясно, насколько живой и действенной была ее дружба с читателями. Однажды Анна Андреевна получила письмо от Петра Лобасова, заключенного. Оно ее поразило поразительно точным определением ее поэзии (на основании только одного стихотворения «Мартовская элегия»).

П. И. Лобасов писал: «Каким-то холодком несет от раненого чувства простоты». Анна Андреевна горячо откликнулась на это письмо, послала автору телеграмму, а вслед за ней свой сборник стихотворений 1958 года, где сделала рукописные пометы и проставила некоторые даты. Но мало того: в стихотворении «Ты стихи мои требуешь прямо...» слова П. И. Лобасова нашли уже стихотворный отклик:

Мы сжигаем несбыточной жизни
Золотые и пышные дни,
И о встрече в небесной отчизне
Нам ночные не шепчут огни.

Но от наших великолепий

Холодочка струится волна...

Существует мнение, что Анна Ахматова не любила писать писем. Это отчасти верно, но если бы сохранились все письма, написанные ею за ее долгую жизнь, то их набралось бы не так уж мало. К сожалению, многие ее письма погибли, будучи уничтоженными самой Анной Ахматовой (ранняя переписка с Н. С. Гумилевым была сожжена по их взаимному согласию), письма к В. Г. Гаршину были возвращены Ахматовой по ее требованию и, вероятно, уничтожены ею. Письма к Н. В. Недоброву могли быть уничтожены ревливой супругой Николая Владимировича после его ранней смерти; письма же Н. В. Недоброву были сожжены Ахматовой после обыска у нее в квартире 7 ноября 1949 года.

Об этих невосполнимых потерях нельзя не пожалеть, но и то, что сохранилось, свидетельствует о необыкновенном внимании Анны Ахматовой к своим друзьям даже после расставания с ними (таковы случайно сохранившиеся письма к В. К. Шилейко, в которых проявляется ее трогательная забота о сенбернаре Тапе). Необходимо отметить и то, что Анна Ахматова зачастую не отвечала своим читателям из осторожности, из боязни повредить им, – ведь ее имя на протяжении многих лет после партийной хулы А. А. Жданова было чем-то вроде красной тряпки, а чтение ее стихов могло повлечь за собой крупные неприятности.

Во всех жанрах, образцы которых вошли в эту книгу, Ан-

на Ахматова предстает писателем, заведомо предполагающим равновеликого собеседника.

За это и любят ее благодарные читатели.

Михаил Кралин

Анна Ахматова

Коротко о себе

Я родилась 11 (23) июня 1889 года под Одессой (Большой Фонтан). Мой отец был в то время отставной инженер-механик флота. Годовалым ребенком я была перевезена на север – в Царское Село. Там я прожила до шестнадцати лет.

Мои первые воспоминания – царскосельские: зеленое, сырое великолепие парков, выгон, куда меня водила няня, ипподром, где скакали маленькие пестрые лошадки, старый вокзал и нечто другое, что вошло впоследствии в «Царскосельскую оду».

Каждое лето я проводила под Севастополем, на берегу Стрелецкой бухты, и там подружилась с морем. Самое сильное впечатление этих лет – древний Херсонес, около которого мы жили.

Читать я училась по азбуке Льва Толстого. В пять лет, слушая, как учительница занималась со старшими детьми, я тоже научилась говорить по-французски.

Первое стихотворение я написала, когда мне было одиннадцать лет. Стихи начались для меня не с Пушкина и Лермонтова, а с Державина («На рождение порфиородного отрока») и Некрасова («Мороз, Красный нос»). Эти вещи знала наизусть моя мама.

Училась я в Царскосельской женской гимназии. Сначала плохо, потом гораздо лучше, но всегда неохотно.

В 1905 году мои родители расстались, и мама с детьми уехала на юг. Мы целый год прожили в Евпатории, где я дома проходила курс предпоследнего класса гимназии, тосковала по Царскому Селу и писала великое множество беспомощных стихов. Отзвуки революции Пятого года глухо доходили до отрезанной от мира Евпатории. Последний класс проходила в Киеве, в Фундуклеевской гимназии, которую и окончила в 1907 году.

Я поступила на юридический факультет Высших женских курсов в Киеве. Пока приходилось изучать историю права и особенно латынь, я была довольна, когда же пошли чисто юридические предметы, я к курсам охладела.

В 1910 (25 апреля ст. ст.) я вышла замуж за Н. С. Гумилева, и мы поехали на месяц в Париж.

Прокладка новых бульваров по живому телу Парижа (которую описал Золя) была еще не совсем закончена (бульвар Raspail). Вернер, друг Эдиссона, показал мне в «Taverne de Pantéon» два стола и сказал: «А это ваши социал-демократы, тут – большевики, а там – меньшевики». Женщины с переменным успехом пытались носить то штаны (jupes-cullottes), то почти пеленали ноги (jupes-entravées). Стихи были в полном запустении, и их покупали только из-за виньеток более или менее известных художников. Я уже тогда понимала, что парижская живопись съела французскую поэзию.

Переехав в Петербург, я училась на Высших историко-литературных курсах Раева. В это время я уже писала стихи, вошедшие потом в мою первую книгу.

Когда мне показали корректуру «Кипарисового ларца» Иннокентия Анненского, я была поражена и читала ее, забыв все на свете.

В 1910 году явно обозначился кризис символизма, и начинающие поэты уже не примыкали к этому течению. Одни шли в футуризм, другие – в акмеизм. Вместе с моими товарищами по Первому Цеху поэтов – Мандельштамом, Зенкевичем, Нарбутом – я сделалась акмеисткой.

Весну 1911 года я провела в Париже, где была свидетельницей первых триумфов русского балета. В 1912 году проехала по Северной Италии (Генуя, Пиза, Флоренция, Болонья, Падуя, Венеция). Впечатление от итальянской живописи и архитектуры было огромно: оно похоже на сновидение, которое помнишь всю жизнь.

В 1912 году вышел мой первый сборник стихов «Вечер». Напечатано было всего триста экземпляров. Критика отнеслась к нему благосклонно.

1 октября 1912 года родился мой единственный сын Лев.

В марте 1914 года вышла вторая книга – «Четки». Жизни ей было отпущено примерно шесть недель. В начале мая петербургский сезон начал замирать, все понемногу разъезжались. На этот раз расставание с Петербургом оказалось веч-

ным. Мы вернулись не в Петербург, а в Петроград, из XIX века сразу попали в XX, все стало иным, начиная с облика города. Казалось, маленькая книга любовной лирики начинающего автора должна была потонуть в мировых событиях. Время распорядилось иначе.

Каждое лето я проводила в бывшей Тверской губернии, в пятнадцати верстах от Бежецка. Это не живописное место: распаханное ровными квадратами на холмистой местности поля, мельницы, трясины, осушенные болота, «воротца», хлеба, хлеба... Там я написала очень многие стихи «Четок» и «Белой стаи». «Белая стая» вышла в сентябре 1917 года.

К этой книге читатели и критика несправедливы. Почему-то считается, что она имела меньше успеха, чем «Четки». Этот сборник появился при еще более грозных обстоятельствах. Транспорт замирал – книгу нельзя было послать даже в Москву, она вся разошлась в Петрограде. Журналы закрывались, газеты тоже. Поэтому в отличие от «Четок» у «Белой стаи» не было шумной прессы. Голод и разруха росли с каждым днем. Как ни странно, ныне все эти обстоятельства не учитываются.

После Октябрьской революции я работала в библиотеке Агрономического института. В 1921 году вышел сборник моих стихов «Подорожник», в 1922 году – книга «Anno Domini».

Примерно с середины 20-х годов я начала очень усердно и

с большим интересом заниматься архитектурой старого Петербурга и изучением жизни и творчества Пушкина. Результатом моих пушкинских штудий были три работы – о «Золотом петушке», об «Адольфе» Бенжамена Констана и о «Каменном госте». Все они в свое время были напечатаны.

Работы «Александрина», «Пушкин и Невское взморье», «Пушкин в 1828 году», которыми я занимаюсь почти двадцать последних лет, по-видимому, войдут в книгу «Гибель Пушкина».

С середины 20-х годов мои новые стихи почти перестали печатать, а старые – перепечатывать.

Отечественная война 1941 года застала меня в Ленинграде. В конце сентября, уже во время блокады, я вылетела на самолете в Москву.

До мая 1944 года я жила в Ташкенте, жадно ловила вести о Ленинграде, о фронте. Как и другие поэты, часто выступала в госпиталях, читала стихи раненым бойцам. В Ташкенте я впервые узнала, что такое в палящий жар древесная тень и звук воды. А еще я узнала, что такое человеческая доброта: в Ташкенте я много и тяжело болела.

В мае 1944 года я прилетела в весеннюю Москву, уже полную радостных надежд и ожидания близкой победы. В июне вернулась в Ленинград.

Страшный призрак, притворяющийся моим городом, так поразил меня, что я описала эту мою с ним встречу в прозе. Тогда же возникли очерки «Три сирени» и «В гостях у

смерти» – последнее о чтении стихов на фронте в Териоках. Проза всегда казалась мне и тайной и соблазном. Я с самого начала все знала про стихи – я никогда ничего не знала о прозе. Первый мой опыт все очень хвалили, но я, конечно, не верила. Позвала Зоценку. Он велел кое-что убрать и сказал, что с остальным согласен. Я была рада. Потом, после ареста сына, сожгла вместе со всем архивом.

Меня давно интересовали вопросы художественного перевода. В послевоенные годы я много переводила. Перевожу и сейчас.

В 1962 году я закончила «Поэму без героя», которую писала двадцать два года.

Прошлой весной, накануне дантовского года, я снова услышала звуки итальянской речи – побывала в Риме и на Сицилии. Весной 1965 года я поехала на родину Шекспира, увидела британское небо и Атлантику, повидалась со старыми друзьями и познакомилась с новыми, еще раз посетила Париж.

Я не переставала писать стихи. Для меня в них – связь моя с временем, с новой жизнью моего народа. Когда я писала их, я жила теми ритмами, которые звучали в героической истории моей страны. Я счастлива, что жила в эти годы и видела события, которым не было равных.

Анна Ахматова
*1965*⁸

⁸ Сб.: Анна Ахматова «Стихотворения и поэмы» (Библиотека поэта). Л., 1976, с. 19–22.

Проза

Слово о Пушкине

Мой предшественник П. Е. Щеголев кончает свой труд о дуэли и смерти Пушкина рядом соображений, почему вышедший свет, его представители ненавидели поэта и извергли его, как инородное тело, из своей среды. Теперь настало время вывернуть эту проблему наизнанку и громко сказать не о том, что они сделали с ним, а о том, что он сделал с ними.

После этого океана грязи, измен, лжи, равнодушия друзей и просто глупости полетик и неполетик, родственничков Строгановых, идиотов-кавалергардов, сделавших из данте-совской истории *une affaire de régiment* (вопрос чести полка), ханжеских салонов Нессельроде и пр., высочайшего двора, заглядывавшего во все замочные скважины, величавых тайных советников – членов Государственного совета, не постеснявшихся установить тайный полицейский надзор над гениальным поэтом, – после всего этого как торжественно и прекрасно увидеть, как этот чопорный, бессердечный («свинский», как говаривал сам Александр Сергеевич) и уж, конечно, безграмотный Петербург стал свидетелем того, что, услышав роковую весть, тысячи людей бросились к дому поэта и навсегда вместе со всей Россией там остались.

«Il faut que j'arrange ma maison <Мне надо привести в порядок мой дом>», – сказал умирающий Пушкин.

Через два дня его дом стал святыней для его Родины, и более полной, более лучезарной победы свет не видел.

Вся эпоха (не без скрипа, конечно) мало-помалу стала называться пушкинской. Все красавицы, фрейлины, хозяйки салонов, кавалерственные дамы, члены высочайшего двора, министры, аншефы и не-аншефы постепенно начали именоваться пушкинскими современниками, а затем просто опочили в картотеках и именных указателях (с перевранными датами рождения и смерти) пушкинских изданий.

Он победил и время и пространство.

Говорят: пушкинская эпоха, пушкинский Петербург. И это уже к литературе прямого отношения не имеет, это что-то совсем другое. В дворцовых залах, где они танцевали и сплетничали о поэте, висят его портреты и хранятся его книги, а их бедные тени изгнаны оттуда навсегда. Про их великолепные дворцы и особняки говорят: здесь бывал Пушкин – или: здесь не бывал Пушкин. Все остальное никому не интересно. Государь император Николай Павлович в белых лосинах очень величественно красуется на стене Пушкинского музея; рукописи, дневники и письма начинают цениться, если там появляется магическое слово «Пушкин», и, что самое для них страшное, – они могли бы услышать от поэта:

За меня не будете в ответе,

Можете пока спокойно спать.
Сила – право, только ваши дети
За меня вас будут проклинять.

И напрасно люди думают, что десятки рукотворных памятников могут заменить тот один нерукотворный, аеge perennius.

26 мая 1961

Комарово

Пушкин и дети

Хотя Пушкин сам меньше всего представлял себя «детским писателем»⁹, как теперь принято выражаться, хотя его сказки вовсе не созданы для детей, и знаменитое «Вступление» к «Руслану» тоже не обращено к детскому воображению, этим произведениям волею судеб было суждено сыграть роль моста между величайшим гением России и детьми.

Нет и не было ни одной говорящей по-русски семьи, где дети могли бы вспомнить, когда они в первый раз слышали это имя и видели этот портрет.

Но все мы бесчисленное количество раз слышали от трехлетних исполнителей «Кота ученого» и «Ткачиху с поварихой» и видели, как розовый пальчик тянулся к портрету в детской книге: и это называлось – «дядя Пускин»¹⁰.

Стихи Пушкина дарили детям русский язык в самом совершенном его великолепии, язык, который они, может

⁹ Когда Пушкина попросили написать что-нибудь для детей, он пришел в столь свойственную ему ярость: «Батюшка, Ваше сиятельство! побойтесь Бога: я ни Львову, ни Очкину, ни детям – ни сват, ни брат. Зачем же мне *sot*-действовать «Детскому журналу»? Уж и так говорят, что я в детство впадаю...» (Из письма А. С. Пушкина к В. Ф. Одоевскому. Декабрь. 1836 г. – Полное собрание сочинений в десяти томах, т. X, М., «Наука», 1965, стр. 616; *sot*-действовать – каламбур: *sot* – дурак (*франц.*) – там же, стр. 757. – Прим. Анны Ахматовой.

¹⁰ «Конька-Горбунка» Ершова тоже все знают и любят. Однако я никогда не слышала «Дядя Ершов»! А вы? – Прим. Анны Ахматовой.

быть, никогда больше не услышат и на котором никогда не будут говорить, но который все равно будет при них как вечная драгоценность.

В 1937 г., в юбилейные дни, соответственная комиссия постановила снять неудачный памятник Пушкину в темноватом сквере на П<ушкин>ской ул. в Ленинграде¹¹. Послали грузовик-кран – вообще все, что полагается в таких случаях.

Но затем произошло нечто беспрецедентное. Дети, игравшие в сквере вокруг памятника, подняли такой вой, что пришлось позвонить куда следует и спросить: «Как быть?» – Ответили: «Оставьте им памятник», и грузовик уехал пустой.

Февраль 37 г. – расцвет ежовщины. Можно с полной уверенностью сказать, что у доброй половины этих малышей уже не было пап (а у многих и мам), но охранять дядю Пушкина они считали своей священной обязанностью.

1965

¹¹ Поставленный в 1884 году в той части города, которая еще не существовала в пушкинское время. – *Прим. Анны Ахматовой.*

«Каменный гость» Пушкина

1

Известно, что в первый период своего творческого пути (когда вышли «Кавказский пленник», «Бахчисарайский фонтан» и ранняя лирика) Пушкин был любим своими современниками, литературный путь его был прям и блистателен. И вот где-то около 1830 года читатели и критика отшатнулись от Пушкина. Причина этого лежит прежде всего в самом Пушкине. Он изменился. Вместо «Кавказского пленника» он пишет «Домик в Коломне», вместо «Бахчисарайского фонтана» – «Маленькие трагедии», затем «Золотого петушка», «Медного всадника». Современники недоумевали, враги и завистники ликовали. Друзья отмалчивались. Сам Пушкин в 1830 году пишет:

И альманахи, и журналы,
Где поученья нам твердят,
Где нынче так меня бранят,
А где такие мадригалы
Себе встречал я иногда...

В чем же и как изменился Пушкин?

В предисловии, предполагавшемся к VIII и IX главам «Онегина» (1830), Пушкин полемизирует с критикой: «Век может идти себе вперед», но «поэзия остается на одном месте... <...> Цель ее одна, средства те же» (VI, 540, 541).

Однако в том же году в набросках статьи о Баратынском Пушкин совершенно иначе рисует отношения поэта с читателем: «Понятия, чувства 18-летнего поэта еще близки и сродны всякому, молодые читатели понимают его и с восхищением в его произведениях узнают собственные чувства и мысли, выраженные ясно, живо и гармонически. Но лета идут – юный поэт мужает, талант его растет, понятия становятся выше, чувства изменяются. Песни его уже не те. А читатели те же и разве только сделались холоднее сердцем и равнодушнее к поэзии жизни. Поэт отделяется от них и мало-помалу уединяется совершенно. Он творит – для самого себя и если изредка еще обнародывает свои произведения, то встречает холодность, невнимание и находит отголосок своим звукам только в сердцах некоторых поклонников поэзии, как он уединенных, затерянных в свете» (XI, 185).

Странно, что до сих пор нигде не отмечено, что эту мысль

¹² Здесь и в дальнейшем цитируется по изданию: Пушкин, Полное собрание сочинений, тт. I–XVI, Изд. Академии наук СССР, 1937–1949. – *Прим. Анны Ахматовой.*

подсказал Пушкину сам Баратынский в письме 1828 года, где он так объясняет неудачу «Онегина»: «Я думаю, что у нас в России поэт только в первых, незрелых своих опытах может надеяться на большой успех. За него все молодые люди, находящие в нем почти свои чувства, почти свои мысли, облеченные в блистательные краски. Поэт развивается, пишет с большою обдуманностью, с большим глубокомыслием: он скучен офицерам, а бригадиры с ним не мирятся, потому что стихи его все-таки не проза. Не принимай на свой счет этих размышлений: они общие» (Пушкин, XIV, 6).

Из сравнения этих двух цитат видно, как Пушкин развил мысль Баратынского.

Итак, не поэзия неподвижна, а читатель не поспевает за поэтом.

В герое «Кавказского пленника» с восторгом узнавали себя все современники Пушкина, но кто бы согласился узнать себя в Евгении «Медного всадника»?

2

К числу зрелых произведений Пушкина, не услышанных не только современниками, но и друзьями поэта¹³, относятся

¹³ В дневниковой записи Вяземский холодно перечисляет «Маленькие трагедии» как новости, привезенные Пушкиным из Болдина (П. А. Вяземский. Полное собрание сочинений, т. 9, СПб, 1884, стр. 152), а Жуковский в 1831 году пишет Пушкину: «Напрасно сердиться на Чуму: она едва ли не лучше Камен-

его «Маленькие трагедии». Быть может, ни в одном из созданий мировой поэзии грозные вопросы морали не поставлены так резко и сложно, как в «Маленьких трагедиях» Пушкина. Сложность эта бывает иногда столь велика, что в связи с головокружительным лаконизмом даже как будто затемняет смысл и ведет к различным толкованиям (например, развязка «Каменного гостя»). Мне кажется, объяснение этому дает сам Пушкин в заметке о Мюссе (24 октября 1830 года), где он хвалит автора «Contes d'Espagne et d'Italie» за отсутствие морализирования и вообще не советует «ко всякой всячине приклеивать нравоучения» (XI, 175–176). Это наблюдение дает отчасти ключ к пониманию якобы шутливой концовки «Домика в Коломне» (9 октября 1830 г.):

Да нет ли хоть у вас нравоученья?

Нет... или есть: минуточку терпенья...

Вот вам мораль...

(V. 93)

и далее следует явно вызывающая пародия на нравоучительную концовку («Больше ничего // Не выжмешь из рассказа моего»).

Понятно, что для поэта, так поставившего вопрос о мора-

ного гостя» (XIV, 203). Восторги Белинского относятся уже к 1841 году («... величайшее создание Пушкина – его «Каменный гость» – В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, т. IV, Изд. Академии наук СССР, М., 1954, стр. 424). – Прим. Анны Ахматовой.

лизировании, многие обычные пути изображения страстей были закрыты. Все сказанное выше в особенности относится к «Каменному гостю», который все же является обработкой мировой темы возмездия, а у предшественников Пушкина, касавшихся этой темы, не было недостатка в прямом морализировании.

Пушкин идет другим путем. Ему надо, с первых же строк и не прибегая к морализированию, убедить читателя в необходимости гибели его героя. Что и для Пушкина «Каменный гость» – трагедия возмездия, доказывает уже само выбранное им заглавие («Каменный гость», а не «Дон Жуан»). Поэтому все действующие лица – Лаура, Лепорелло, Дон Карлос и Дона Анна – только и делают, что готовят и торопят гибель Дон Гуана. О том же неустанно хлопочет и сам герой:

Все к *лучшему*: нечаянно убив
Дон Карлоса, отшельником смиренным
Я скрылся здесь...

(VII, 153)

А Лепорелло говорит:

...Ну, развеселились мы.
Недолго нас покойницы тревожат.

(VII, 140)

После проделанной пушкинистами работы мы знаем, чем

похож пушкинский Дон Гуан на своих предшественников. И теперь имеет смысл определить, в чем он самобытен.

Характерно для Пушкина, что о богатстве Дон Гуана упомянуто только раз и вскользь, в то время как для Дапонте и для Мольера это существенная тема. Пушкинский Гуан и не дапонтковский богач, который хочет «наслаждаться за свои деньги», и не мольеровский унылый резонер, обманывающий кредиторов. Пушкинский Гуан – испанский гранд, которого при встрече на улице не мог не узнать король. Внимательно читая «Каменного гостя», мы делаем неожиданное открытие: Дон Гуан – поэт. Его стихи, положенные на музыку, поет Лаура, а сам Гуан называет себя «Импровизатором любовной песни» (VII, 153).

Это приближает его к основному пушкинскому герою: «Наши поэты не пользуются покровительством господ; наши поэты сами господа...» – говорит в «Египетских ночах» Чарский, повторяя излюбленную мысль Пушкина (VIII, 1, 266). Насколько знаю, никому не приходило в голову делать своего Дон Жуана поэтом.

Сама ситуация завязки трагедии очень близка Пушкину. Тайное возвращение из ссылки – мучительная мечта Пушкина 20-х годов. Оттого-то Пушкин и перенес действие из Севильи (как было еще в черновике – Севилья извечный город Дон Жуана) в Мадрид: ему была нужна столица. О короле Пушкин, устами Дон Гуана, говорит:

Пошлет назад.

Уж верно головы мне не отрубят.

Ведь я не государственный преступник.

(VII, 138)

Читай – политический преступник, которому за самовольное возвращение из ссылки полагается смертная казнь. Нечто подобное говорили друзья самому Пушкину, когда он хотел вернуться в Петербург из Михайловского¹⁴

¹⁴ «Сиди смирно, пиши, пиши стихи» (П. А. Вяземский – Пушкину, 10 мая 1826 года; XIII, 276); «Всего благоразумней для тебя остаться *покойно* в деревне» (В. А. Жуковский – Пушкину, 12 апреля 1826 года; XIII, 271). – *Прим. Анны Ахматовой.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.